

УДК 72.036

Теория и практика «национального стиля» послевоенного десятилетия

Малиновская Елизавета Григорьевна

Кандидат искусствоведения, доцент,
директор художественной галереи «АРК»

050051, Казахстан, Алматы, бизнес-центр «Достар», просп. Достык, 240, оф. 107;

e-mail: eliz.mln@gmail.com

Аннотация

Определяющее влияние на развитие архитектуры Казахстана в послевоенное десятилетие оказала установка на «освоение наследия». Теоретики связывали явления со стилеобразованием, но реальная причина в усилении процесса становления социалистического национального самосознания. Появились национальные архитекторы. Пробудился интерес к народным ремеслам. Материалы археологических, этнографических экспедиций стали источником национальных образцов для архитектуры на основе теоретических установок. Применялись детали и регионального зодчества. Разрабатывался национальный ордер. Все это накладывалось на классицизирующую стилистику, единую основу советского зодчества. Всесоюзный лозунг на монументализацию архитектуры пробудил интерес к наследию региона, ранее относимому к культовому. Указанные формообразующие элементы применялись в любых по типологии сооружениях от жилых до уникальных. Эволюцию «стиля» теоретики связывали с объемными орнаментами, как средообразующего средства. Преобладали эстетические характеристиками наследия. Связь с его функциональными параметрами осуществляли ассоциации научные (академия наук и медресе), культовые (мазар и современный мавзолей). Методология «национального стиля» исчерпала себя; профессиональная деятельность связана как с традициями, так и ломкой канон. Архитекторы-практики отстаивали идею, что современные сооружения – также достояние национальной культуры. Архитектура «национального стиля», подвергнутая в последующем критике, обозначила проблему отношения к наследию, его освоению на основе взаимодействия национального и инационального.

Для цитирования в научных исследованиях

Малиновская Е.Г. Теория и практика «национального стиля» послевоенного десятилетия // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 103-114.

Ключевые слова

Казахстан, послевоенное десятилетие, архитектурное наследие, социокультурная динамика, профессиональная школа «национальный стиль», теория и практика.

Введение

Вопросы национальной самобытности, отношения к традициям – программное направление теории и практики архитектуры Казахстана 1940-х годов. Отступили на второй план все остальные аспекты творческого процесса – технико-конструктивного и функционального характера. Разработка новой типологии также проходила под определяющим влиянием установки «освоение наследия». «Историзм», доминирующая тенденция тех лет, был проявлением общественных интересов и нового отношения к национальному прошлому «национальный романтизм». Теоретики и практики связывали творческую ситуацию с чисто профессиональными задачами – актуальностью разработки модели «стиля», с помощью которой можно проектировать любые по типологии задания от уникальных до жилых. И все же не проблемы стилеобразования, а запросы духовной жизни, т.е. специфика социально-культурной ситуации, усиление процесса становления социалистического национального самосознания в большей мере, чем в довоенный период, объясняют реальную причину поиска «национального стиля» [Малиновская, 2006, 143-149]. Сказывалась потребность понять себя в контексте культур других народов.

Данные явления связаны с рядом объективных обстоятельств. Постепенно складывалась национальная школа зодчества Казахстана – появились национальные архитекторы-профессионалы, для которых перспективы использования традиций в современных сооружениях стали первоочередными. В эти годы шел процесс открытия памятников национального зодчества, их фиксация. По материалам этнографических экспедиций начали издаваться книги по народному искусству. Зарисовки, обмеры и особенно «мотивы» (излюбленный термин для обозначения орнаментов) периодически издавались как практические пособия, источники образцов для проектировщиков. Становление исторической науки пробудило интерес к формам, приемам и региональной архитектуры. Тесная взаимосвязь процесса формирования «национального стиля» с научными обоснованиями данного явления привела даже к «давлению» науки на архитектурную практику [Мендикулов, 30; Басенов, 1948, 3-11]. Произошло расширение сфер наследования: европейская классика перестала отвергаться как нечто чуждое. Напротив, программное требование времени – интернационализм. Обращение к классике рассматривалось, как фактор включения национального искусства в общемировой культурный процесс.

Параметры теории «национального стиля»

В качестве модели «национального стиля» теоретиками была выдвинута триада: классические композиционные приемы, формы национального зодчества и «мотивы» казахско-

го орнамента. В решении облика общественных зданий допускался ордер при условии «декоративной его обработки национальным орнаментом». Первый этап освоения наследия теория связывала с необходимостью точных знаний о традиционной культуре и применения их в современном строительстве [Басенов, 1957, 74]. Возрождение национального зодчества предполагало присоединение древних форм, традиционных материалов и технологий к новым технико-конструктивным основам строительства, новым типам зданий, что «приведет к повышению мастеровитости советской архитектуры» [Мендикулов, 30].

Красной нитью в трудах тех лет проходила идея, что «язык» национальной архитектуры может быть детищем аналитического метода, основанного на данных различных гуманитарных наук: истории, этнографии, археологии. Под эгидой национальных также широко применялись детали и формы региональной архитектуры, что объясняется целым кругом причин. Прежде всего, первоначально явно недоставало знания национального наследия, что вынуждало прибегать к «ориентальным деталям». Кроме того, стилистическая общность памятников средневековой архитектуры региона стимулировала интерес к этому источнику наследия и тем принципам его освоения архитектурной практикой Узбекистана, которые сложились в общих чертах в довоенное время. Лозунг – «использование достижений других народов СССР» также ориентировал на региональный опыт.

Всесоюзные тенденции 1940-х годов на монументализацию облика сооружений, теоретическое обоснование – «памятники эпохи», в Казахстане, равно как и в других республиках региона, – сказались в интересе к деталям культовой архитектуры. Того, что ранее было просто неприемлемо в связи с «иконоборческими» идеями в отношении памятников мусульманской культуры. Но иных источников чего-то монументального в среднеазиатском зодчестве просто не было. Правда, оговаривалось, что «традиционные культовые формы должны перерабатываться на базе современных строительных материалов, новой техники, органично сочетаясь с ордерной системой» [Басенов, 1957, 110]. Классике отводилась миссия на нивелирование религиозных реминисценций региональных прообразов. Подобные идеологические клише в отношении к азиатской архитектуре были абсолютной натяжкой и совершенно необоснованными. В реальности, определенная система деталей и конструкций присутствует во всех сооружениях региона, безотносительно от их функции и размера. Это кирпичные без обмазки стены, а также различные системы купольных перекрытий без опор, характерные для жилых домов, дворцов, торговых рядов (чорсу), бань-хаммом, ледников (сардоб), культовых построек: мечети, мавзолеи, медресе (религиозные университеты).

Ученые называли этапные сооружения своеобразной экспозицией «собрание орнаментов», «выставка национальной по форме архитектуры» [Басенов, 1951, 75]. Активно разрабатывался «национальный ордер». Но все же именно орнаментальные формы должны были внести желанную и необходимую ноту национального в сооружения различного назначения, за которыми в теоретических построениях сохранялся приоритет [Мендикулов, 23]. О правомочности синтеза орнаментов с классицизирующими деталями и приемами

ученые даже не задумывались. Выбор декора объяснялся достаточно абсурдно через типологические характеристики: «строгость облика» административных, научных, транспортных сооружений; «жизнерадостный характер» театров, школ [Басенов, 1957, 75]. Возникла идея вымостки площади перед зданием нового Дома правительства каменными плитами с выгравированным национальным узором. Архитекторы были категорически против этого. Подобные приемы не удовлетворяли ни их представлениям о «стиле», ни о методике его эволюции [Басенов, 1957, 82].

Следующий этап, по мысли теоретиков, предполагал переход от плоскостного декора к «объемным орнаментам» (люстры, решетки) [Басенов, 1957, 76]. Ученые пытались актуализировать их роль в средообразовании, обосновав присутствие некоего силового поля. Этот опыт выявил неорганичность подобной модернизации орнаментов, также чужеродной по отношению к классицизирующей стилистике общего решения зданий (Дворец культуры горняков, арх. И. Бреннер, Караганда, 1950). В качестве дальнейшей перспективы эволюции «стиля» в трудах обосновывался «синтез трех пластических искусств» и, как дань времени, необходимость индустриализации, расширения техник, материалов, их экономичности [Басенов, 1951, 79]. Беспочвенно провозглашалось, что связь науки и практики создала «условия постепенного приближения к освоению наследия» [Басенов, 1951, 116]. Ученые требовали максимальной точности в воспроизведении исторических деталей. А на практике произвольно сочетались стилевые системы классики и Востока. Никого не волновало, что использовались и неархитектурные элементы – орнаменты из разнообразных по технике предметов прикладного искусства. Трансформация исходных прообразов, как доктрина, допускала любые модели отделки сооружений.

Допускались региональные прообразы типологически близкие современным объектам. Академию наук ассоциировали с медресе, особняк – со среднеазиатской усадьбой, постамент памятника – с древним надгробьем Мангышлака. Семантика осуществлялась на основе функционально-образных аналогий. Новую типологию ученые предлагали решать на уровне ассоциаций. Модель «национального стиля» позволяла апеллировать к определенным историческим образцам, «говорившим» от имени новых по функции сооружений. В большей мере это было свойственно зданиям-символам в области культурно-социальных завоеваний (АН Каз ССР): новая типология связывалась с архитектурно-художественными характеристиками исторического образца, который служил своеобразным знаком нового для нации сооружения. Региональный тип здания мог наделяться дополнительной социальной ролью, например, «Клуб-чайхана», т.е. разработка типологии на стыке старого и нового, с опорой на функцию, образ, структуру.

«Национальный стиль», по мнению теоретиков, использовал не только эстетические составляющие традиций, но и приемы климатической адаптации. Однако это осуществлялось произвольно, вновь на уровне изобразительных ассоциаций, а не функции. Лоджии затеняли северные фасады, галереи украшали глухие торцы зданий, «игрушечные» бал-

кончики мало соответствовали логике применения их в жарком климате. В определенной мере данное явление можно объяснить научной неразработанностью данной стороны наследия. Но все же решающую роль вновь сыграли знаковые тенденции. Любой внутренний дворик провозглашался национально-характерным, даже в зданиях с классической трехосевой композиционной схемой. Творческая программа, которая опиралась только на традиции, была лишена перспектив поиска неканонических решений: «Логика механистического расщепления отчуждала традиционалистскую форму от смыслов, развивающихся в актуальной культуре, а тем самым – и от современных характеристик нации» [Иконников, 1982, 30].

Архитектурная практика послевоенного десятилетия

Проектирование и научное обоснование правомочности того или иного приема протекали одновременно. Авторская позиция, целеполагание в выборе источника и предмета наследования, сфокусированные в отдельном проекте, могли стать краеугольным камнем теоретической схемы. Облик этапных произведений поднимался наукой на щит, как новое достижение в поступательном развитии «национального стиля».

Явно недоставало знания о наследии казахов, что вынудило проектировщиков прибегнуть к определенным «ориентальным» деталям. Стилистическая общность памятников средневекового зодчества стран Востока также стимулировала и оправдывала интерес к данному источнику наследия. В рассматриваемый период в трудах ученых доминировал интерес к эстетической стороне наследия. Практическая работа А. Щусева в Алма-Ате (театр, здание АН Казахстана) подкупали простотой стилизации [Смолина, 2]. Характерные приемы закрепились в работах его последователей: портики, стрельчатые арки зданий институтов сельскохозяйственного (арх. В. Бирюков, 1954) и Женского педагогического (арх. М. Кудрявцев, 1950). В послевоенный период крупные жилые объекты строили с целой художественной программой – опять же «памятники эпохи». Это обусловило активное применение в них декора («Дом ученых», арх. Г. Бобович, 1946; жилой дом ЦК, арх. А. Леппик, 1954). Другой путь усиления представительности жилых зданий – дополнить их функцией административного объекта какого-то ведомства: Дом Казпотребсоюза (арх. Г. Бобович, 1954), Административно-жилой дом (арх. А. Леппик, 1954, проект) [Малиновская, 2013, 61-101].

В тени общей направленности хотя и незначительно, но существовала и «непарадная» тенденция. За исходные образцы, но в роли декора, авторы избрали отдельные строительные приемы жилых построек Средней Азии (айваны, деревянный ордер – резные колонны, подбалки-боши). Однако это было не более чем игрой формами в контексте исторических ассоциаций, отвечая закономерностям стилеобразования периода. Подобные решения нашли применение в правительственных особняках и Доме приемов.

Ориентация на различные источники и формы осложняла задачу по выявлению функциональных характеристик. Конструкции зачастую служили просто символами купол в проекте павильона на ВСХВ имитировал юрту (арх. Н. Петров, А. Куприянов, Т. Басенов, 1951). Вместо капителей предлагалось их некое орнаментальное подобие. Допускался перевод в иной функциональный ряд: сталактиты в качестве консолей, кронштейнов конференц-зала АН Казахстана; практически игрушечные «минареты» для вечернего освещения входа в кинотеатр (проект, арх. Н. Простаков, 1951). Дематериализованные стволы «дорической колоннады» летнего театра в Караганде (арх. И. Бреннер, 1949) обозначил легкий деревянный каркас, с подсветкой по всей высоте. Доведенная до максимума иллюзия исходной исторической формы предвосхитила постмодернистскую стилистику конца XX века. В приведенных примерах конструкции нефункциональны, использованы произвольно или визуально сохраняют верность прообразу. Их выбор зависел от личных пристрастий архитектора, что выражает специфику «историзма», разновидностью которого был «национальный стиль».

Облик сооружения, которое не имело хотя бы отдаленного исторического прототипа, приводился в соответствие с новой типологией, как тогда казалось. Тем не менее, они не давали основания проследить никаких аналогий с функцией здания, скорее, диссонировали с ней: аэропорт (арх. Г. Елькин, Б. Заварзин, 1950); обсерватория (арх. А. Соколов, 1951). Фасады винзавода воспроизводили облик мечети (арх. М. Бат, 1952). Исключение – объекты, авторы которых осуществили полное слияние старой и новой функции. Мавзолей Джамбула (арх. Е. Атаевский, А. Белоцерковский, Г. Бобович, 1945) был перифразой степных мазаров – надгробных построек казахов. Решение мавзолея считалось одним из лучших образцов «национального стиля».

«Национальный стиль» между теорией и практикой

В среде архитекторов отношение к «национальному стилю» не было единодушным. Оценка ситуации существенно расходилась с теоретическими построениями. Архитекторы-практики, как показывают архивы, настаивали на освоении утилитарно-конструктивного наследия архитектуры региона, синтезе культурно-бытовых традиций и современных технологий. Призывы рассматривать современные сооружения и методы, как достояние национальной архитектуры, несомненно, обнаружили методологически верный подход к данной проблеме. Однако на теорию, да и на практику тех лет подобные установки наиболее прогрессивно мыслящих проектировщиков никак не повлияли.

Полярной была точка зрения «науку – в производство», то есть внедрение археологического и этнографического материала в проектирование. Как панацея – требование активизировать научные разработки. Попытка поставить «национальный стиль» «на поток» также провалилась. Технично-конструктивные особенности новых по типологии зданий с трудом подчинялись догматическим объемно-пространственным решениям: большие плоскости окон, обнаженный каркас Дворца спорта (Караганда, 1950), в котором стереотипная декора-

ция осталась в виде легкого орнамента, покрывающего простенки. Штучное проектирование, разнообразие за счет декора, парадность так называемых типовых проектов тормозили темпы их реализации. Нарастали симптомы поиска новых планировочных и образных решений в сооружениях, не скованных типологическими канонами. Неординарный для тех лет проект «Зеленого стадиона «Стадиона-парка» (арх. Н. Рипинский, А. Недовизин, 1954) в виде амфитеатра на склонах предгорий был отвергнут, хотя сулил несомненные перспективы: экономичность, слияние с природой и городом. Мотив – нет национального колорита, не монументален.

Во время дискуссий архитекторы растерянно обращались к ученым: «Как и куда идти? Наследие необходимо, но как им пользоваться? Расхождения между прогнозами и очевидной бесплодностью самосовершенствования «национального стиля» путем варьирования декоративными элементами обнаруживали себя все отчетливее. Актуальность перемен в архитектурно-строительном деле ощущалась все острее. А ученые республики, погруженные в прошлое, дискутировали о преимуществах и жизнеспособности традиционных стоечно-балочной или же купольно-сводчатой систем.

Роль «национального стиля» в социокультурных и профессиональных процессах 1940-х годов

На первом этапе сложения архитектурной школы республики национально-самобытное реализовалось в виде внешних форм и декоративных деталей. В связи с тем, что под национальным подразумевалось народное, это пробудило интерес к фольклору во всех видах искусства. Связь с ним обнаружил типологически новый для нации вид профессиональной культуры – архитектура, а не современные интерпретация декоративно-прикладных жанров (вместо традиционных войлоков насаждалось ковроткачество, открылась гобеленовая мастерская). Общесоюзные тенденции развития народного искусства, которое было для казахов (что самое важное!) и древностью, и современностью, создавали прочную основу для осознания ценности и жизнеспособности традиционной культуры. Пафос и потребности зарождающегося национального самосознания проявили себя в искреннем стремлении отразить свое время, опираясь на язык этого вида искусства, которое сыграло большую роль в момент формирования профессионального.

В Казахстане обращение профессиональной культуры к народным ремеслам имело благоприятные условия. Они были действительно живым источником в связи со спецификой исторического развития нации, не нуждаясь в возрождении. Цепь историко-культурных образцов не прервалась и по сей день. Парадигмы тысячелетних традиций кочевников, обладая этнической самобытностью, самоценны как принципиально иной тип жизнедеятельности и социокультурной организации. Обращение к народному искусству привело в действие механизм воспроизведения структурно-совершенной системы формообразования традиционной культуры. С древности она оставалась неизменной, имея нормативность канона.

Прямолинейный перенос приемов народного искусства, представленного во всем великолепии многовековых орнаментальных традиций, в область профессионального творчества продемонстрировал парадоксальность подобного лобового контакта. Формирование системы профессиональной деятельности связано не только с наследованием и, тем более, неизбежностью канона, но и с ломкой определенных систем, приемов и принципов [Канцедикас, 40]. В этом была противоречивость ситуации.

Попытка сохранить орнаментальный строй без изменений не оставляла предпосылок к развитию. Приемы «вживления» в современные сооружения пусть даже и переработанных орнаментов (объемность, сюжет) обнаруживали их взаимную чужеродность, вульгаризацию традиционной системы. Попытка «лобового» синтеза различных творческих приемов, источников – Запад и Восток, профессиональное – ремесленное, плюс новое социальное содержание («созвучное эпохе») – выявила противоречивость такого метода.

Художественный язык «строился на сочетаниях знаков, значение которых зависело от их употребления в прошлом» [Иконников, 1985, 120]. Иллюстративность, в качестве метода, осложненная культурным «разноречием» образцов, создала неорганичность основополагающих принципов формообразования «национального стиля». В этом причина «цитирования», связанного как с недостаточностью знаний о наследии, так и с установками и методикой научного подхода к решению проблемы, предполагавшего произвольный отбор и стык источников, из которых создавалась модель «стиля». Несмотря на позитивный характер художественной программы архитектура 1940-х годов не получила импульса к эволюции вопреки теоретическим прогнозам.

Абсолютизация однажды найденных приемов, их бесконечное повторение привела к инертности всей художественной модели «стиля». Выпало важнейшее звено – динамика процесса культурного наследования, которая не только закрепляет исторический опыт, но и формирует новые аспекты жизнедеятельности традиции в связи с установками своего времени. Консервация приемов стала невозможной при переходе к профессиональному творчеству. Оно разрушило – перемены являются его неотъемлемым качеством – синкретизм художественной системы традиционного искусства. Вместе с тем, сооружения «национального стиля» обозначили проблему отношения к наследию, путей и принципов его использования, степени соотношения инационального и национального, демонстрируя столкновение и непримиримость прямолинейной комбинации разнородных культурных традиций.

Заключение

Начальный этап становления молодых профессиональных школ неминуемо проходит фазу знакомства с мировым опытом, его освоением. Национальное самосознание осуществляет культурные контакты в приемах, близких к эстетике народного искусства – «наивной стилизации». Обращение к традиционным формам в момент сложения профессиональной

архитектуры проходило в описательно-этнографическом контексте, позволив добиться наглядных связей с прошлым. Опора на национальный фольклор породила режущее глаз профессионала искусство. На практике это обернулось не поражением, как оценивали ситуацию в 1960–1970-е годы, а единственной возможностью самоопределения архитектурной школы и всей современной национальной культуры. Именно архитектура вынесла на своих плечах – со всеми ошибками и противоречиями – процесс становления различных видов и жанров профессионального искусства республики.

Концентрация и заостренность творческих явлений в архитектуре тех лет не случайны и связаны с целым кругом причин. Прежде всего, совпали по времени становление национального самосознания и формирование архитектурной школы, определив в конечном итоге ее лидирующую роль в прогрессе казахстанской культуры 1940-х годов. Актуализацию архитектуры, в большей мере, обусловило то, что ее нужно было фактически создать – качественно новую для нации по образности, типологии и идеологии. Архитектура должна была решить и другую важнейшую проблему национальной школы, став фронтом борьбы за самобытность и эстетическую значимость культуры Казахстана 1940-х годов в связи с теми значительными социально-культурными приоритетами, которыми обладает зодчество. Материализованная в сооружениях связь с наследием вошла в среду обитания новой национальной культуры. Тем самым было создано ее новое жизненное пространство в структуре архитектурной среды, где национальная традиция могла обрести себя в контексте современности.

Уверенность в исторической преемственности традиционной и современной культур стала отправной точкой для становления самобытных школ национального искусства [Малиновская, 2011, 216-220]. Та «романтическая битва», в которой национальная архитектура искала себя, подготовила почву для органичного и плодотворного синтеза прошлого и современности, национального и инонационального – достояния 1980–1990-х годов. Казахская архитектурная школа, выстояв перед искусом растворения в интернациональной стилевой всеобщности, вновь заявила о себе, но уже в контексте творческой зрелости других видов национального искусства. Программа «национального стиля», основанная на абсолютизации прошлого, надолго дискредитировала саму идею освоения эстетического богатства историко-культурного наследия, возможности появления научно обоснованных методик овладения им. Это стало на повестку дня национальных школ искусства в последнее десятилетие XX века, делая особо актуальным и целесообразным переосмысление опыта 1940-х годов.

Библиография

1. Басенов Т.К. Архитектура Казахстана за 30 лет // Известия АН КазССР. Серия Искусствоведческая. 1948. № 1. С. 3-11.
2. Басенов Т.К. Архитектура Казахской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М., 1951. С. 73-122.

3. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. М., 1985. 176 с.
4. Малиновская Е.Г. Историко-культурное наследие архитектуры «национального стиля» Казахстана // Культура и цивилизация. 2016. № 6. С. 276-314.
5. Малиновская Е.Г. Современное историко-культурное наследие 1929–2000 гг. // Свод памятников истории и культуры города Алматы. Алматы, 2006. С. 143-149.
6. Малиновская Е.Г. Социокультурные и профессиональные парадигмы архитектурного наследия Алматы 1940-50-х гг. // «Жамбыл и эпическое наследие тюркских народов». Материалы Международной научно-практической конференции, ГТХУ, 11-12 апреля 2011. Алматы, 2011. С. 216-220.
7. Малиновская Е.Г. Охрана и использование памятников архитектуры советского времени: вопросы охраны и реставрации // Памятники истории культуры Казахстана. Сборник Казахского Общества охраны памятников истории и культуры: Вып. 9. Алматы, 2013. С. 61-101.
8. Малиновская Е.Г. Памятник современной архитектуры // Серия «Наследие советской эпохи. Избранные труды». Алма-Ата, 2016. С. 49-59.
9. Мендикулов М. Архитектурная практика города Алматы и проблема национальной архитектуры // Известия АН Казахской ССР. Серия Искусствоведческая. 1948. № 1. С. 13-31.
10. Смолина Н. Национальная по форме, социалистическая по содержанию // Архитектура. 1983. № 6. С. 2.

Theory and practice of the "national style" of the post-war decade

Elizaveta G. Malinovskaya

PhD in Arts, Associate Professor,
Art Gallery ARK Director,
050051, 107, 240, Dostyk av., Almaty, Kazakhstan;
e-mail: eliz.mln@gmail.com

Abstract

The decisive influence on the development of the architecture of Kazakhstan in the post-war decade was exerted on the "development of the heritage". Some theorists linked the phenomenon with style, but the real reason for strengthening the process of formation was socialist national identity. Materials of archaeological and ethnographic expeditions have become a source of national samples for architecture on the basis of theoretical guidelines. Details of regional architecture were applied. A national warrant was developed. All this was super-

imposed on the classicizing stylistics, the unified basis of Soviet architecture. The all-Union slogan on the monumentalization of architecture aroused interest in the heritage of the region, previously attributed to the cult. These shaping elements were used in any type of construction from residential to unique. Evolution of the style theorists associated with three-dimensional ornaments, as a medium-forming means. The aesthetic characteristics of the heritage prevailed. The association with its functional parameters was carried out by scientific associations. The methodology of the "national style" has exhausted itself; the professional activity is connected both with traditions, and fragile canons. Architects-practitioners defended the idea that modern buildings are also an asset of national culture. The architecture of the "national style", later subjected to criticism, marked the problem of the attitude to the heritage, its development on the basis of the interaction of the national and the other.

For citation

Malinovskaya E.G. (2017) Teoriya i praktika "natsional'nogo stilya" poslevoennogo desyatiletiya [Theory and practice of the "national style" of the post-war decade]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 103-114.

Keywords

Kazakhstan, postwar decade, architectural heritage, socio-cultural dynamics, professional school "national style", theory and practice.

References

1. Basenov T.K. (1948) Arkhitektura Kazakhstana za 30 let [Architecture of Kazakhstan for 30 years]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya Iskusstvovedcheskaya* [Herald of the Academy of Sciences of the KazSSR. A series of Art Criticism], 1, pp. 3-11.
2. Basenov T.K. (1951) Arkhitektura Kazakhskoi SSR [Architecture of the Kazakh SSR]. *Arkhitektura respublik Srednei Azii* [Architecture of the republics of Central Asia]. Moscow.
3. Ikonnikov A.V. (1985) *Khudozhestvennyi yazyk arkhitektury* [Artistic language of architecture]. Moscow.
4. Malinovskaya E.G. (2016) Istoriko-kul'turnoe nasledie arkhitektury "natsional'nogo stilya" Kazakhstana [Historical and cultural heritage of architecture of "national style" of Kazakhstan]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 6, pp. 276-314.
5. Malinovskaya E.G. (2006) Sovremennoe istoriko-kul'turnoe nasledie 1929–2000 gg. [The modern historical and cultural heritage of 1929-2000]. In: *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury goroda Almaty* [Collection of monuments of history and culture of Almaty]. Almaty.
6. Malinovskaya E.G. (2011) Sotsiokul'turnye i professional'nye paradigmy arkhitekturnogo naslediya Almaty 1940-50-kh gg. [Sociocultural and professional paradigms of architectural

- heritage of Almaty 1940-50-ies.]. In: *"Zhambyl i epicheskoe nasledie tyurkskikh narodov". Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, GTKhU, 11-12 aprelya 2011* ["Zhambyl and the epic heritage of the Turkic peoples". Materials of the International Scientific and Practical Conference, State Technical University, April 11-12, 2011]. Almaty.
7. Malinovskaya E.G. (2013) Okhrana i ispol'zovanie pamyatnikov arkhitektury sovetskogo vremeni: voprosy okhrany i restavratsii [Protection and use of monuments of architecture of the Soviet period: issues of protection and restoration]. In: *Pamyatniki istorii kul'tury Kazakhstana. Sbornik Kazakhskogo Obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury: Vyp. 9* [Monuments of the history of culture of Kazakhstan. Collection of the Kazakh Society for the Protection of Monuments of History and Culture: Vol. 9]. Almaty.
 8. Malinovskaya E.G. (2016) Pamyatnik sovremennoi arkhitektury [Monument of modern architecture]. In: *Seriya "Nasledie sovetskoj epokhi. Izbrannye trudy"* [Series Legacy of the Soviet era. Selected Works]. Almaty.
 9. Mendikulov M. (1948) Arkhitekturnaya praktika goroda Almaty i problema natsional'noi arkhitektury [Architectural practice of the city of Almaty and the problem of the national architecture]. *Izvestiya AN Kazakhskoi SSR. Seriya Iskusstvovedcheskaya* [Herald of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. A series of Art Criticism], 1, pp. 13-31.
 10. Smolina N. (1983) Natsional'naya po forme, sotsialisticheskaya po sodержaniyu [National in form, socialist in content]. *Arkhitektura* [Architecture], 6, p. 2.